

На правах рукописи

Константинова Маргарита Владимировна

**СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В
ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Курск – 2011

Работа выполнена на кафедре профессиональной коммуникации и иностранных языков ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Светлана Вениаминовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Чугунова Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Бороздина Ирина Сергеевна

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится 14 декабря 2011 г. в ____ часов на заседании объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского государственного университета по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

Автореферат разослан «__» ноября 2011 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

И. С. Климас

Реферируемая диссертация посвящена изучению специфики юридической метафоры в индивидуальном лексиконе.

В настоящее время, несмотря на большое количество зарубежных и отечественных работ, в той или иной степени касающихся проблемы осмысления исследуемого феномена, нельзя не отметить наличия единства его понимания как средства познания действительности (см., напр., М. Джонсон, Дж. Лакофф; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, О.С. Зубкова, Н.Ф. Крюкова; С.В. Лебедева, С.Л. Мишланова; В.П. Москвин; Е.В. Рахилина; А.П. Чудинов). Многие ученые акцентируют внимание на современных изменениях в подходах к изучению языка, что приводит к тому, что практически все современные справочные пособия представляют несколько определений или в той или иной форме обязательно фиксируют признаки и свойства, которые не очень согласуются с традиционными лингвистическими взглядами на метафору. Таким образом, на современном этапе развития филологической науки становятся очевидны необходимость выхода за пределы системы языка и осознание значимости всех составляющих в диаде «человек – язык», позволяющие представить метафору в новом ракурсе.

Малоизученными остаются метафоры профессиональных сфер деятельности, которые требуют использование метафоры как наиболее компактного средства выражения мысли.

Для нас особый интерес представляет юридическая метафора, поскольку в современном социуме возрастает значимость правовых знаний, и юридические термины широко используются не только профессионалами, но и рядовыми носителями языка. В реферируемой диссертации отмечается, что юридическая метафора включает не только слова из терминосферы юридического дискурса, отображающие существующую контрадикцию охранительной и карательной функций, но и лексемы, заимствованные из других профессиональных областей знания (профессионализмы, жаргонизмы) или из живого языка. Последние, как правило, имеют эмоционально–экспрессивную окрашенность, связанную с оценочными характеристиками социума, что позволяет юридической метафоре, с одной стороны, увеличивать свой семантический потенциал в рамках специального дискурса, а с другой – быть узнаваемой и понятной для большинства членов лингвокультурного сообщества. Таким образом, исследуемый феномен, минуя проблему понимания специальной терминологии, позволяет перейти от диалекта узкопрофессиональных юридических знаний к речи.

В исследовании юридическая метафора рассматривается как когнитивный феномен, как средство познания и выражения эмоционально–оценочного отношения к явлениям действительности. Как достояние индивида и единица индивидуального лексикона, любая метафора представляет собой средство доступа к его единой информационной базе – памяти, «откуда черпаются необходимые единицы и стратегии оперирования ими при формировании мысли в речи», обеспечивающей овладение опытом предшествующих поколений и становление индивида как члена социума (А.А. Залевская).

Следовательно, юридические метафоры эксплуатируют смыслы, вырабатываемые сознанием человека, при этом важную роль играет индивидуальная картина мира. Мы полагаем, что выявление скрытых отличительных характеристик предмета или явления, хорошо знакомых человеческому сознанию, дает возможность их переноса в область права и способствует более четкому определению сложных юридических понятий.

Следует отметить, что юридические метафоры, являясь частью индивидуального лексикона человека, «показывают» некое направление движения бессознательной творческой активности профессионала, участвуя в создании «инвариантного профессионального образа мира» (термин А.А. Леонтьева). Под индивидуальным лексиконом мы, вслед за А.А. Залевской, понимаем «динамическую функциональную систему, самоорганизующуюся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами».

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена общенаучным усилением интереса к феномену профессиональной метафоры. В современной теории метафоры недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с функционированием профессиональной метафоры в индивидуальном лексиконе, в частности, малоисследованной является проблема выявления и описания тех структур знаний, которые актуализируются при усвоении языка профессии.

Объектом исследования является юридическая метафора в индивидуальном лексиконе; **предметом** – факторы, обуславливающие ее специфику.

В качестве **гипотезы** выступает следующее положение: юридическая метафора является специфической языковой формой, особенности которой в индивидуальном лексиконе зависят не от специфики структуры языкового знака, а от энциклопедических, культурных, личностных и профессиональных знаний носителя языка.

Цель исследования – в рамках психолингвистической концепции значения определить специфику юридической метафоры в индивидуальном лексиконе.

Поставленная цель потребовала решения следующих **задач**:

- обобщить современные научные подходы к феномену профессионального языка и определить научную парадигму, позволяющую провести комплексное исследование специфики юридической метафоры в профессиональном дискурсе и в индивидуальном лексиконе;
- рассмотреть особенности функционирования юридической метафоры в контексте профессионального дискурса с позиции психолингвистического подхода к значению;
- выявить лингвистические и лексические особенности юридического дискурса, в языковом пространстве которого юридическая метафора выступает единицей профессионального знания;

- в рамках концепции индивидуального знания определить факторы, обуславливающие специфику юридической метафоры в индивидуальном лексиконе;
- из профессиональных академических изданий отобрать корпус метафорических выражений для последующего предъявления испытуемым в ходе психолингвистического эксперимента;
- определить методику экспериментального исследования;
- провести экспериментальное исследование для выяснения особенностей юридической метафоры в лексиконе индивида;
- провести сопоставительный анализ экспериментального материала, полученного в двух группах испытуемых (специалисты и неспециалисты), и выявить факторы, определяющие своеобразие юридической метафоры в индивидуальном лексиконе;
- на основе полученного материала обосновать возможность моделирования юридической метафоры в индивидуальном лексиконе.

Материалом исследования послужили данные эксперимента, в котором участвовали 200 человек (100 специалистов и 100 неспециалистов – все являются носителями русского языка); всего проанализировано 3000 субъективных дефиниций. В качестве материала для эксперимента рассматривались метафорические выражения, полученные методом сплошной выборки из текстов юридического дискурса, а также из современных медиатекстов и бытового дискурса.

В диссертации применяются следующие **методы исследования и методики**: комплексный теоретический анализ, метод метафорического моделирования, методика субъективных дефиниций, статистический анализ полученного экспериментального материала с помощью программы Microsoft Excel.

Новизна предлагаемого исследования состоит в том, чтобы показать специфику юридической метафоры в индивидуальном лексиконе с психолингвистических и когнитивных позиций. Впервые в рамках интегративного подхода осуществлена попытка выявить и охарактеризовать факторы, влияющие на специфику функционирования юридической метафоры в индивидуальном лексиконе в рамках параметра «специалист/неспециалист».

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена дальнейшей разработкой теории метафоры, в частности, проблемы, связанной с функционированием юридической метафоры в индивидуальном лексиконе. Продемонстрирована необходимость учета предметности природы любой метафоры, слитой с когнитивными и аффективными аспектами сознания и подсознанием человека. В работе также рассматривается феномен юридического дискурса как разновидности профессионального дискурса, исследуются его лингвистические и психолингвистические особенности.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью включения её материалов в теоретические и практические курсы по теории

языка, стилистике, психолингвистике и теории дискурса. Отдельные наблюдения и положения могут заинтересовать специалистов в области юриспруденции.

В результате проведенного исследования *на защиту выносятся следующие теоретические положения:*

1. Юридическая метафора представляет собой сложный когнитивный феномен, формирующийся в специфической концептуальной зоне. В рамках последней происходит осмысление правовых реалий через обращение к иным областям знания и личному опыту человека.
2. Содержание и структура юридической метафоры различаются в системе языка и речевой деятельности. В речевой деятельности употребляются те юридические метафоры, переносное значение которых стало самостоятельным, то есть речевые штампы и клише. Юридические метафоры, не имеющие самостоятельного статуса, употребляются в живом языке.
3. В юридическом профессиональном дискурсе юридическая метафора выполняет две основные функции – моделирования действительности и эмоционального воздействия.
4. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе обусловлена интеграцией изначальной предметности природы самой метафоры с особенностями перцептивного, когнитивного и аффективного опыта индивида.
5. Предметность природы юридической метафоры в индивидуальном лексиконе заключается в устойчивой корреляции универсальных и специфических опор, используемых индивидом при ее опознании. К первым относятся опоры по линии энциклопедических и культурных знаний; ко вторым – профессиональные и индивидуальные знания, а также специальные профессиональные навыки.
6. В индивидуальном лексиконе специалистов проявляется «метафорическая сплоченность», объясняемая спецификой профессии: контрадикцией охранительной и карательной функций одновременно.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации и результаты исследования были изложены в выступлениях на Международных конференциях «Актуальные проблемы современного иноязычного образования» (26–29 апреля 2005 г., Курск), «Актуальные проблемы языковедения и теории перевода» (13–14 октября 2005 г., Курск), XV Симпозиуме по психолингвистике «Речевая деятельность, языковое сознание, общающиеся личности» (30 мая – 01 июня 2006 г., Москва), II международной научно–практической Интернет-конференции «Русская речь в современном ВУЗе» (01 октября – 01 декабря 2006 г., Орел), II Международной научно–практической конференции «Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике» (5–6 октября 2006 г., Барнаул), Международной научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (20–21 сентября 2007 г., Нижний Новгород), Международной научно–практической конференции «Межкультурная

коммуникация: вопросы теории и практики» (6–7 апреля 2011 г., Курск). По теме диссертации опубликовано 12 работ общим объемом 3,14 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, ставятся цели и задачи, определяются предмет, объект, методы исследования, формулируются выносимые на защиту положения.

В **Главе 1 «Теоретические аспекты изучения профессионального языка юриста»** дается обзор различных подходов к пониманию профессионального языка юриста, цель которого – показать сложность и противоречивость этого феномена и определить роль и место в нем метафоры.

Для диссертационного исследования особенно значимыми оказались лингвистические работы, в которых рассматривались общелингвистические аспекты функционирования профессионального языка (Л.М. Алексеева, Н.Н. Болдина, М.В. Васина, М.Н. Володина, Е.И. Голованова, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, О.А. Зяблова, Л.В. Ивина, В.И. Карасик, К.М. Климович, В.М. Лейчик, А.А. Леонтьев, Л.Н. Лубожева, В.Ф. Новодранова, В.А. Скиба, А.В. Суперанская, С.Д. Шелов и др.), и исследования, посвященные анализу и выявлению сферы функционирования и специфики профессионального языка юриста (А.С. Александров, О.В. Антонова, А.Б. Барихин, Н.А. Власенко, Н.Д. Голев, Т.В. Губаева, О.В. Красовская, Ю.А. Кузнецова, Е.В. Малюкова, Л.Е. Попова, Л.В. Правикова, А.М. Пыж, М.М. Филиппова, А.Н. Шепелев, С.П. Хижняк). Нами осуществлялось также сопоставление терминов и профессионализмов в рамках подхода к слову как единице лексико–семантической системы языка, определялась специфика и лексический состав профессионального языка юриста и предпринималась попытка установить границы и цели юридического дискурса. В ходе исследования была обоснована необходимость изучения лексического состава юридического языка (в том числе и юридической метафоры) с учетом фактора человека и ситуации использования.

Обращение к общелингвистическим теориям профессиональных языков представляется необходимым по целому ряду причин. В современном социуме размывается понятие профессионального языка, стираются границы между терминами и профессионализмами, что обусловлено спецификой современного производства и современной профессиональной деятельности. В настоящее время наблюдается миграция терминологии из одной профессиональной сферы деятельности в другую, что является причиной размывания или сужения их семантики. Это привело к достаточно широкой трактовке профессионального языка с учетом его возможных характеристик и расширению лексико–семантического диапазона.

В реферируемой диссертации анализируется традиционное понимание профессионального языка как подсистемы национального языка, выделяемой при его вертикальной (социальной) дифференциации и используемой

представителями определенной профессии при общении на специальные темы как в официальных, так и в неофициальных ситуациях (М.Н. Володина, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко). Описываются маркеры профессионального языка – термины, профессионализмы и номенклатурные единицы (Л.А. Лубожева), в качестве основного маркера выделяется термин – «слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно–технического понятия и требующее дефиницию» (М.Н. Володина). Отмечается, что помимо терминологии, характерной для определенного дискурса, любой специализированный, профессиональный язык отличает наличие единиц особого профессионального жаргона – *языковых маркеров профессиональной принадлежности*. Профессионализмы определяют как слова и выражения, свойственные речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности, проникающие в общелитературное употребление (преим. в устную речь) и обычно выступающие как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов (ЛЭС).

В реферируемой работе внимание акцентируется на универсальном характере «примет» дискурса, характерных для всех языков профессии. По мнению М.Н. Пановой, языковое сознание профессиональных участников общения (например, чиновников) «отражает особый образ мышления, профессиональную ангажированность, специфическое видение одного из фрагментов действительности. Это выражается в языке и стиле толкований стимулов: в большинстве случаев испытуемые пользовались официально–деловыми клише или профессиональным жаргоном».

В первой главе диссертации отмечается, что для профессионализмов, среди которых можно выделить *метафору*, метонимию, аллегория, символику, перифраз, характерна размытость значений, эмотивная оценка, обыденная точка зрения на объект, отражающая коллективные представления. В ситуации непосредственной речевой коммуникации между профессиональными участниками деятельности выбор лексической единицы будет обусловлен не только формальным терминологическим значением специального слова, но также будет включать личностный смысл, за которым стоит профессиональное мышление, специфика восприятия мира, свое уникальное сознание. В этом случае, как нам представляется, в речи возможно употребление не термина, а профессионализма или слова, стилистически «профессионально окрашенного», употребляемого в конкретной ситуации.

Сложность и специфика лексического состава и сферы функционирования языка юриста способствовали формированию в настоящее время новой дисциплины, получившей название «юрислингвистики» (Н.Д. Голев).

Немаловажным для настоящего исследования является вопрос о дискурсивной реализации профессионального языка. Профессиональный язык, как и любая иная разновидность языка, выполняет определенную функцию – обмен информацией в специализированной сфере деятельности для достижения поставленной цели, решения коммуникативной задачи. Ситуацию

профессионального общения (общения на профессиональную тематику), когда хотя бы одной из сторон общения является профессиональный участник деятельности, мы вслед за В.И. Карасиком, относим к категории институционального общения.

В работе профессиональный язык исследуется в рамках юридического дискурса как текста, взятого в событийном аспекте, в совокупности с его экстралингвистическими факторами. В нашем понимании юридический дискурс является совокупностью переживаний индивида, корреляций субъективного опыта с овладением определенными профессиональными знаниями, составляющими содержание профессиональной юридической деятельности.

Вслед за Л.Е. Поповой, юридический дискурс понимается нами как текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения. Установить определенные границы юридического дискурсивного сообщества, по нашему мнению, не представляется возможным ввиду его «размытости»: в структуру юридического дискурса входят тексты нормативно-правовых актов (законы), научные и учебные тексты, речь профессиональных участников деятельности, а также общение неспециалистов на правовые темы.

Проведенное исследование позволило нам выделить такие лингвостилистические и лексические особенности юридического дискурса, как строгая регламентация, ритуальность, деперсонализация, тенденция к формальному, незмоциональному изложению, категоричность суждений, смысловая определенность, использование лексически стабильного специального тезауруса, при этом отмечается высокая терминологичность лексики. Для юридической терминологии, в свою очередь, характерны: высокая степень абстрактности, иерархическая структура понятийной системы, высокий процент слов общелитературного языка. Однако несмотря на узуальность и регламентированность профессионального языка юристов, можно констатировать достаточно частотное употребление в нем, наряду с классическими терминами, профессионализмов и жаргонизмов. Нами также выявлена экспликация профессиональных феноменов посредством *метафоры*, выступающей единицей профессионального знания.

В **Главе 2 «Юридическая метафора: сущность, структура, функции»** рассматривается понятие юридической метафоры, её сущность, структура и функции, конкретизируется роль юридической метафоры в общенаучной теории познания и в профессиональном дискурсе юристов, уточняется место исследуемого феномена в системе «человек – социум – культура».

Основным методологическим подходом нашего исследования является психолингвистический подход к метафоре и процессу метафоризации. Данный подход строится на признании ментальной сущности метафоры и её изначальной предметности (А.А. Залевская). Образ метафоры образуется в результате взаимоналожения актуализируемых знаний, увязываемых с двумя компонентами метафоры. Дальнейшая развёртка сжатого смысла метафоры происходит за счёт выделения релевантных признаков и признаков признаков. Формирование метафорического смысла происходит в процессе установления

связи между словоформами метафоры и хранящейся в памяти информацией. Подчеркнем, что релевантность признаков всегда индивидуальна, поскольку «сжатый смысл разворачивается в рамках системы координат, присущей конкретному человеку, с учётом индивидуальных характеристик личности в точке «здесь–и–сейчас» (С.В. Лебедева, О.С. Зубкова). Сопоставление с предшествующим опытом осуществляется по множеству параметров, однако какая-либо особенность объекта может вызвать наиболее сильное переживание, что, в свою очередь, может повлечь формирование своеобразного метафорического «флюса», вызывающего вариативность в трактовке метафор (А.А. Залевская).

Основываясь на существующих определениях метафор, функционирующих в специальных дискурсах (О.С. Зубкова, М.А. Симоненко), полагаем, что юридическая метафора имеет схожую модель построения, включающую в себя лексему, не свойственную профессиональному дискурсу, и лексему(ы), являющуюся его органичной частью, а именно: юридический термин в сочетании со словом из литературного/наивного дискурса, которые объединены на основании того или иного доминирующего признака: *слово из наивного дискурса + юридический термин → доминирующий признак → юридическая метафора*. В качестве примера юридической метафоры приведем следующее метафорическое выражение: *отмывание + денежные средства → узаконивание (легализация) → отмывание денежных средств*: легализация денежных средства или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем.

Принципиально важным в работе является предположение о процессуальном характере юридической метафоры, в рамках которого под воздействием разного рода факторов объединяются во множество комплексные «разрозненные» смыслы, которые только после этого начинают осмысляться как единое целое. В рамках юридического дискурса осуществляется «переход значения», связанного с одним конкретным понятием, в сферу обозначения другого понятия, видоизменяется «исходная» семантика. При этом соответствующие области не идентичны. Например, в юридической метафоре *теневая экономика* понятие из области–источника *тьень* проецируется на область–цель *экономика*, первое понятие не связано с деятельностью человека, второе является названием конкретной профессиональной сферы.

По нашему мнению, основной тенденцией метафорической номинации в языке юристов, помимо терминологизации слов общеупотребительного языка в рамках юридической метафоры, является создание по двусоставной модели многокомпонентных терминологических словосочетаний с мотивированной семантической структурой. Мотивация основывается на результатах когнитивной деятельности специалиста, прежде всего, концептуализации, фиксирующейся языковыми знаками – юридическими метафорами. При этом функция исследуемого феномена как языковой конструкции выходит за пределы передачи простой суммы смысла слов, ее составляющих. Например: *стражи порядка, следы преступления, следы пальцев рук/ног, к материалам уголовного дела приобщено огнестрельное оружие*.

В юридическом дискурсе реализуется эвристический потенциал метафоры как инструмента для образования новых значений. Новое значение образуется путем переноса целого фрейма из конкретной сферы в абстрактную, при этом структура фрейма полностью или частично сохраняется. Далее в индивидуальном лексиконе индивида осуществляется метафорическое картирование получаемой информации на пересечении указанных выше концептуальных областей, что обеспечивает основу функционирования любой метафоры (в том числе и юридической) в индивидуальном лексиконе (О.С. Зубкова). Совместное взаимодействие перцептивной и когнитивной систем обуславливает интеграцию анализа воспринимаемого сигнала с фонологической, лексической, семантической и синтаксической информацией, связанной с верхним и нижним уровнями когнитивной переработки (А.А. Залевская). Именно это взаимодействие обеспечивает, как нам представляется, «узнавание» исследуемого феномена в юридическом дискурсе как результата мгновенного целостного акта, как продукта глубинных процессов, позволяющих индивиду переживать встреченную юридическую метафору как понятное/знакомое словосочетание/термин.

Метафорам, как единицам специальной лексики юридического дискурса, присуща особая мотивированная форма, наиболее удобная для коммуникации как передачи полученного и зафиксированного в них знания (В.М. Лейчик, Л.Е. Попова, О.В. Косоногова). Например, в речи судей, создающих тексты судебных решений, происходит концептуализация действительности с реализацией карательной функции. При этом юридическая метафора выполняет констатирующую функцию. Например: *заклучить под стражу, приговорить к наказанию в виде..., юридическая природа нормативно-правовых актов, конструирование составов преступлений*. Не менее показательна речевая деятельность адвокатов, направленная на реализацию охранительной функции. Например: *давление на свидетелей, легальность криминалистических процедур, фискальное право, юридическая экспансия*. Подобная контрадикция является, по нашему мнению, уникальной для языка юриста и выделяет последний среди других видов профессиональных дискурсов.

Для юридического дискурса исключительную важность имеет и аргументативная функция метафоры как средства убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов и постулатов, при этом спецификой юридического дискурса является усиление положительной или отрицательной аттракции за счет использования метафоры. Так, например, адвокат общается с аудиторией, для того чтобы достичь быстрого общего отклика, и применяет метафору, в состав которой входит не только термин, но и слово общелитературного языка, выбранное с целью достижения образности, стимулирования реакции аудитории. Например: *возбудили громкое уголовное дело, заказное дело/убийство, голые факты, несостоятельность обвинения*. Подобного рода метафоры не только облегчают понимание, но могут также являться эффективным средством возбуждения «нужных» эмоций у аудитории: *это уголовное дело произведет эффект резонанса/разорвавшейся бомбы; слабость доказательной базы, свобода слова в суде, принцип правового*

сепаратизма, юридический промах. Эффект достигается путем комбинирования буквальных или общепринятых смыслов слов в процессах деконтекстуализации и реконтекстуализации.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что юридическая метафора в юридическом дискурсе может быть сложным механизмом, являющимся источником и результатом когнитивной деятельности, позволяющим реконструировать и моделировать ментальные структуры, а также речевой стратегией, направленной на усиление воздействия и достижение наибольшего прагматического эффекта. С её помощью создается особый подтекст, выстроенный на ассоциативных связях и воздействующий на суггестивном уровне.

Совокупность представлений о мире в рамках отдельной профессиональной области может быть обозначена как *«метафорическая сплоченность»*, подробно исследуемая Е.Ю. Артемьевой, И.Б. Ханиной и их учениками. Поскольку любая профессиональная деятельность имеет осознанный характер, то метафорическая сплоченность является результатом реализации познавательных, интеллектуальных и личностных потенций человека с профессиональным правовым сознанием, складывающимся в процессе специальной подготовки, а также непосредственно при осуществлении практической юридической деятельности.

На образование юридической метафоры в юридическом дискурсе, по нашему мнению, влияет в том числе коллективное знание, обобщающее предшествующий опыт о явлениях и предметах окружающей действительности. Опыт, значимый для общества, определяет выбор той или иной лексемы, и, вероятно, содержание такого рода метафор зависит, в первую очередь, от коллективной семантики этих слов (понимание и признание значения слова всеми членами общества), употребленных в переносном значении. Сквозь призму правового осмысления действительности, зафиксированного в юридических метафорах, можно также судить о ключевых морально–этических и культурных ценностях конкретного социума, особенностях категоризации действительности в целом. Следовательно, значение юридической метафоры возникает в результате взаимодействия индивидуального и коллективного (языкового и энциклопедического) знания в системе «человек – социум – культура». Как феномен профессиональной коммуникации и правовой системы юридическая метафора обладает социальной значимостью и концентрирует опыт взаимодействия членов общества в различных областях жизни и деятельности человека, и, прежде всего, в области права.

Таким образом, функционирование юридической метафоры в индивидуальном лексиконе в рамках профессиональной деятельности обеспечивается реализацией динамичного комплекса сложных когнитивных процессов, протекающих на разных уровнях осознания при взаимодействии продуктов переработки аффективно–перцептивно–когнитивного опыта и на эмоционально–оценочном фоне ситуации. Использование разнообразных опорных элементов при «узнавании» исследуемого феномена индивидом

обеспечивает категоризацию по линиям языковых и энциклопедических знаний и «выход» на профессиональный инвариантный образ мира.

Влияние профессиональной принадлежности на использование термина не вызывает сомнения, однако для исследования юридической метафоры особый интерес представляет задача изучения различий между интерпретациями метафор специалистами и неспециалистами.

В Главе 3 «**Экспериментальное исследование функционирования юридической метафоры в индивидуальном лексиконе**» описываются участники и процедура эксперимента, указывается экспериментальный материал, обосновывается выбор экспериментальной методики, предлагается интерпретация и обсуждение полученных субъективных дефиниций и проводится их сопоставление с учетом влияния профессионального фактора.

Нами был проведен эксперимент с привлечением в качестве участников в равной доле профессионалов и рядовых носителей языка, всего 200 испытуемых (далее - ии.).

Для проведения эксперимента было решено привлечь в качестве ии. представителей разных профессиональных групп, юношей и девушек 20-22 лет, студентов старших курсов. Все ии. были разделены на три группы: первая группа (50 человек) – студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, вторая группа (50 ии.) – студенты юридического факультета Курского государственного университета, третья группа состоит из представителей неюридических специальностей – это студенты факультета психологии и педагогики (50 человек) и студенты филологического факультета (50 человек) Курского государственного университета. Выбор ии. был обусловлен данными, полученными в результате изучения периода формирования основных концептов профессиональной картины мира: профессиональные знания являются одной из важных составляющих индивидуального знания после четырех лет обучения профессии (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин).

При отборе материала для проведения первой части экспериментального исследования были отобраны следующие метафорические выражения, включенные в профессиональную деятельность юристов: АГРЕССИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ; АД ВАЛОРЕМ; АД РЕФЕРЕНДУМ; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОПЕКА; АМОРТИЗАЦИОННЫЙ СРОК; АСИММЕТРИЧНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ; АФФИЛИРОВАННОЕ ЛИЦО; КАБАЛЬНАЯ СДЕЛКА; КАРМАННОЕ ВЕТО; КОНЦЕПЦИЯ ТАБУЛА РАЗА; ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ; ПОЛНЫЙ ТОВАРИЩ; ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ; ТАМОЖЕННАЯ ОЧИСТКА. В качестве источников указанных юридических метафор использовались специализированные словари, академические издания по юриспруденции, статьи Уголовного кодекса РФ, статьи Гражданского кодекса РФ, Международные правила толкования торговых терминов.

Поскольку большинство из предложенных группе профессионалов юридических метафор обладают, по нашему мнению, особой степенью терминологичности и дискурсивной соотнесенности, мы не могли рассчитывать на получение валидных экспериментальных данных при их предъявлении в

группе непрофессионалов. Соответственно, для второго этапа экспериментального исследования были выбраны юридические метафоры, обозначающие реалии предположительно в равной степени близкие/далекие и актуальные для любого человека и наиболее часто эксплуатируемые СМИ на страницах газет («Московский комсомолец» и «АиФ», подборки за 2009-2011 гг.). А именно: АГРЕССИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ; БЕЗЗУБЫЙ ПРАВОПОРЯДОК; ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ БЕСПРЕДЕЛ; КАБАЛЬНАЯ СДЕЛКА; КОНЦЕПЦИЯ ТАБУЛА РАЗА; ОБОРОТНИ В ПОГОНАХ; ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ; ПРАВОВОЙ ИММУНИТЕТ; ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ; ТАМОЖЕННАЯ ОЧИСТКА; ЮРИДИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ.

Нами использовалась методика субъективных дефиниций, которая уже зарекомендовала себя в психолингвистических исследованиях, в частности, отмечается ее эффективность в изучении особенностей метафоры в индивидуальном лексиконе (О.С. Зубкова, М.А. Симоненко). Под субъективной дефиницией в работе понимается не словарная дефиниция, а результат переработки субъективного опыта человека при попытке определить значение слова (С.В. Лебедева).

Испытуемым предъявлялся бланк и предлагалось дать столько объяснений, сколько приходит в голову при виде исходного словосочетания, основное условие – не задумываться, условие обязательного заполнения бланков не ставилось. Время работы с каждым бланком не ограничивалось. Инструкция была идентичной во всех экспериментальных микрогруппах.

Всего было получено 2500 бланков (специалисты – 1400, неспециалисты – 1100 бланков). Общее количество полученных субъективных дефиниций – 6500 (специалисты – 4000, неспециалисты 2500). Отказы от реакции – 29 (специалисты – 19, неспециалисты – 10).

Для нас важно, *что* лежит в основании сравнения понятий, которыми оперирует индивид в процессе повседневной речемыслительной деятельности. На наш взгляд, некоторую ясность в решение этой проблемы может внести понятие сравнения как способа видения мира. По результатам анализа экспериментального материала можно выявить основания для сравнения, которыми пользуется носитель языка. Полученные экспериментальные данные/ассоциативные сравнения, на наш взгляд, демонстрируют проявление смыслового сходства и различия. НАПРИМЕР, КАБАЛЬНАЯ СДЕЛКА - *«семья тебя везде найдет. Дон держит руку на пульсе»* или ПОЛНЫЙ ТОВАРИЩ – это *«гражданин своей страны, который принимает участие в руководстве какой-нибудь фирмы и является фактически её серым кардиналом. Он может её продать, манипулировать персоналом, заложить... Если присмотреться, то эта схема очень четко сейчас работает в политике и таких «товарищей» многие знают в лицо»; «только в сказке».*

В работе представлен анализ наиболее репрезентативных примеров, которые показывают специфику функционирования юридической метафоры в индивидуальном лексиконе специалиста, неспециалиста, а также проведен

сравнительно–сопоставительный анализ в рамках параметра специалист/неспециалист.

Полученные экспериментальные данные среди специалистов показывают вовлеченность ии. в профессиональную деятельность и свидетельствуют о том, что с юридическими метафорами связана информация, передающая общее содержание, увязываемое с конкретными профессиональными феноменами, объективирующими фрагмент знания о профессиональном событии или ситуации. Например, АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОПЕКА – *«нам рассказывали по конституционному праву. Но я ничего не поняла. Помню какие-то предписания к исполнению»*. АГРЕССИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ – *«СовБез ООН «усмотрел» акт агрессии в Ливии и решил эти «намерения» Каддафи искоренить по-своему»*. ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ – *«вывоз за границу «бешеных» денег, помещение их в банки под огромные проценты или вкладывание их в пока легальный бизнес. Именно благодаря такой схеме Ходорковский с широкой улыбкой шьет сейчас трусы и ватники. Юридических прецедентов куча»*. Полученные интерпретации подтверждают наш тезис о том, что юридическая метафора в профессиональном дискурсе моделирует действительность, основываясь на корреляции индивидуального и профессионального знания.

В полученных нами дефинициях юридических метафор широко представлена эмоциональная составляющая исследуемого феномена, в связи с чем можно предположить, что мы наблюдаем систему оценок и ассоциативного поведения, сложившиеся в юридическом и общем русском лингвокультурном сообществе, т.е. автоматически всплывает наиболее типичный в данном социуме и профессиональной группе контекст: например, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ – *«Берешь чужое – отдаешь свое»; «В нашей стране отдаешь руками, а забираешь ногами»*. Сложившееся у ии. негативное представление о хранении/передаче на некоторый срок предметов или денежных средств обусловили, вероятно, приведенные выше дефиниции.

Известно, что для осуществления эффективной профессиональной коммуникации представители одной профессии непременно должны обладать схожим фондом профессиональных знаний. Это подтверждается данными нашего эксперимента: АФФИЛИРОВАННОЕ ЛИЦО – *«влияние (с последующим наказанием, если нужно) на деятельность какой-то кампании. А как показывает практика – наказание неизбежно»; – «жесткий надзор за предприятием или кампанией с целью соблюдения правовых норм. Аффилированное лицо может вмешаться в её деятельность и привлечь некоторых руководителей к юридической ответственности»; – «физическое лицо или организация, влияющие на деятельность какого-то предприятия и управляющих его финансовыми потоками. Очень часто это спасает от процедур банкротства и рейдерских захватов»*. В приведенных выше интерпретациях специалистов очевидна «метафорическая сплоченность» (термин Е.Ю. Артемьевой), основанная на корреляции карательной и охранительной функций в рамках профессионального опыта. По нашему мнению, профессиональная принадлежность предопределяет семантическую

реализацию юридической метафоры в юридическом дискурсе, оказывая влияние на восприятие/понимание исследуемого феномена специалистом.

Юристы стремятся упорядочить правовую информацию, интерпретируя последнюю в рамках профессиональной деятельности. Например: АГРЕССИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ – *«со стороны осужденного, например, обжаловать приговор. Адвокаты, как обычно, стремятся на этом побольше денег заработать. Каждое заявление для них – что сорвать джек пот. Осужденный как утопающий за соломинку хватается за любое их слово, а они этим пользуются, да и затягивают часто все умышленно. Адвокат как серый волк: рыщет в поисках добычи и ему все равно, сколько шкур содрать со своей жертвы»*; – *«частенько бывает в суде присяжных заседателей. Судья выглядит ангелом во плоти по сравнению с этими вампирами. Дорвутся до власти, осознают свою значимость и вершат судьбы как Октавиан на плебейском судилище»*. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ – *«как показывает практика, таких людей в ступе не поймает! При отсутствии договора или дополнительных соглашений привлечь к уголовной ответственности практически не возможно»*. В представленных трактовках юридических метафор прослеживается взаимодействие культурного и профессионального знаний, формирующее особую семантическую структуру на основе синтеза категорий из области непрофессиональной действительности в правовой сфере.

В дефинициях специалистов прослеживается тенденция, на которую обращают внимание и другие исследователи индивидуального лексикона: профессиональные знания, полученные в равном объеме всеми ии., дают толчок к развёртыванию сжатого смысла с опорой на индивидуальное знание, акцентирующее внимание на каком-то определённом, значимом для него признаке обсуждаемого явления (С.В. Лебедева, О.С. Зубкова). Например: КАРМАННОЕ ВЕТО – *«в нашей стране мера измерения скорости принятия административных решений»*; – *«объем полученного отката»*. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОПЕКА – *«форма контроля государством за работой местных властей. Например, воруют или нет, сколько воруют, делятся ли и с кем»*; – *«контроль управляющих кампаниями за финансовыми потоками»*; – *«подсчет барышей, осевших в оффшорных зонах»*. Вероятно, основой для интерпретации юридических метафор послужили негативные представления о современном бизнесе, сформировавшиеся в обществе.

Как показал эксперимент, для специалистов не существует единого понимания обсуждаемого правового явления. Для большинства дефиниций профессионалов характерно доминирование формальных признаков: на восприятие метафоры и ее последующее толкование влияет звуковой и графический образ одного из компонентов. Так, например, в случае с метафорой ПОЛНЫЙ ТОВАРИЩ таким компонентом является лексема «полный»: *«очень толстый товарищ»*, *«упакованный по всем статьям товарищ»*, *«друг, который поддержит во всем и всегда»*. Для метафоры КОНЦЕПЦИЯ ТАБУЛА РАЗА когнитивным ядром при толковании выступила лексема «раза»: *«роза»*, - *«какие-то юридические колючки»*.

По наблюдению С.В. Лебедевой, профессиональные знания влияют на индивидуальную семантику, что подтверждается данными нашего эксперимента. Очевидно, что при восприятии юридической метафоры специалистами происходит переход на «профессиональный уровень сознания» (термин В.П. Даниленко), с чем, на наш взгляд, связана специфика стилистического и семантического оформления дефиниций в данной группе ии. Дефиниции специалистов отличаются большей развернутостью, так как преследуют цель объяснения «непрофессионалу» (каковым представляется экспериментатор участникам эксперимента) сложных специальных понятий. Так, АФФИЛИРОВАННОЕ ЛИЦО – *«для Вас это просто юридическое лицо (организация), влияющее на любую деятельность какого-нибудь хозяйственного общества. А спецы уж разберутся».*

Профессиональные знания, на наш взгляд, выступают как некий ограничитель, не позволяя ии.-специалистам использовать обширный фонд культурных знаний, не связанных с профессиональной деятельностью. Как показывает экспериментальный материал, при попытке объяснить метафору ии. обращаются к своему перцептивному опыту и к «ментальному тезаурусу», в котором хранятся знания разной природы – языковые, культурные, профессиональные и др., при этом субъективная интерпретация всегда сопровождается эмоциональной оценкой. Например: ПОЛНЫЙ ТОВАРИЩ – *«умный и жадный «ростовщик» и глупый и беззащитный «даритель», оказавшийся в безвыходной ситуации»;* - *«недалекий человек, решившийся доверить свое имущество кому-либо. В наше время никому ничего доверять нельзя»;* - *«сейчас настоящих друзей не бывает. Только идиот может поверить в существование подобного товарищества».* Таким образом, в нашем экспериментальном материале мы наблюдаем определенную трансформацию психического образа, что приводит к появлению экспрессивных, стилистически маркированных сочетаний.

Случаи проявления специфического коллективного видения юриспруденции, отражённые в субъективных дефинициях специалистов, мы объясняем влиянием внутреннего контекста, важной компонентой которого является фонд профессиональных знаний, общий для всех ии. и составляющий основу инвариантного профессионального образа мира. В полученных экспериментальных данных содержатся субъективные дефиниции, достаточно близко воссоздающие словарные статьи. А именно: *«амортизационный срок»* (12 дефиниций) и *«кабальная сделка»* (1 дефиниция). Однако чаще дефиниции, предложенные ии., не совпадали со словарными дефинициями и были намного разнообразнее и богаче. Например, метафора АД ВАЛОРЕМ – это *«новые постановления президента (добавка к пенсии, разнообразные компенсации...) представляют собой не что иное, как новые методы исчислений платежей от граждан в стабфонд».* Метафора КАБАЛЬНАЯ СДЕЛКА получила такое толкование: *«семья тебя везде найдет. Дон держит руку на пульсе».*

В свою очередь, при восприятии этих юридических метафор ии.–*неспециалисты* направляют свое внимание на определенные, значимые для них «здесь-и-сейчас» характеристики. При этом значительную роль при

развертывании индивидуального смысла играет эмоциональность: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ БЕСПРЕДЕЛ – это «глупые законы в нашей стране»; - «законы беспредельничают в обществе, а мы ничего не можем сделать»; - «законы пишут «юристы», со сроком заключения за плечами». ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ – это «наплевать на наши законы»; – «любимое слово нашего президента», – «всему обществу нет дела до кем-то написанных законов».

Полученные нами результаты говорят о том, что ии. стремятся передать ситуацию не только с помощью «постоянных», свойственных предметам и явлениям признаков в любой ситуации, но подчеркивают «особые» признаки, актуализирующиеся в индивидуальном лексиконе индивида в данный момент в результате эвристического поиска. Например: АГРЕССИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ толкуется как *«желание добиться чего-то любыми средствами. Например, хочу есть, а я на паре. Придумываю любую причину, чтобы уйти из аудитории. Если преподаватель не отпускает, то у меня ОЧЕНЬ агрессивные намерения. А когда поел и мне хорошо, то все намерения улечиваются»*.

Наш экспериментальный материал свидетельствует об отсутствии четкого разграничения коллективного и индивидуального знания, увязываемого с юридической метафорой. Заметим, что провести подобное разграничение не представляется возможным, в силу того, что, будучи достоянием индивида, коллективное и индивидуальное знания, также как языковые и энциклопедические, неразличимы. Например: ОБОРОТНИ В ПОГОНАХ – это *«взаимосвязь и соотношение власти, милиции и объемов денежных средств в их отношениях»; «сочетание различных форм взаимодействия коррумпированных чиновников и такой же власти»; «у нас в стране это вариация на тему хорошего начальника или милиционера и плохого начальника или милиционера и различные конфигурации в зависимости от ситуации: если нужно - будет оборотнем в погонах, если нет – хороший и добросовестный служака»*.

Очевидно, что в качестве основной опоры при определении значения юридической метафоры в индивидуальном лексиконе выступают наивные или культурные знания ии., поскольку незнание определённых юридических реалий заставляет неспециалистов обращаться к тем опорам, которые им наиболее близки. Во всех полученных толкованиях прослеживается одна тенденция: энциклопедические знания, полученные в равном объеме всеми ии., дают толчок к развертыванию сжатого смысла с опорой на индивидуальное знание, акцентирующее внимание человека на каком-то определенном, значимом для него признаке обсуждаемого явления. Например: ЮРИДИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ определяется так: *«такого рода давление оказывалось всегда и везде. Взять хотя бы историю нашей страны или литературу. «Братья Карамазовы» к примеру»*. ОБОРОТНИ В ПОГОНАХ – *«надоели уже наши газеты и передачи с этими оборотнями. На себя посмотрите, чиновники. А вы кто? Невинные Золушки?»*; *«мой отец так себя частенько называет (с горькой усмешкой), когда пытается подработать на стройке. Почему у нас искусственно формируют такое отношение к милиции, хотя в ней очень много честных и порядочных служака, ни разу не взявших и бутылки водки!»*. Мы

наблюдаем дефиниции, которые имеют в своей основе реализацию связей по линии глубинного яруса индивидуального лексикона, через включение выражения в контекст акта глубинной предикации.

Результаты эксперимента свидетельствует о том, что каждый стимул вызывает у ии. определенный образ ситуации. Ситуация как бы двунаправлена: с одной стороны – это реакция на определенный фрагмент образа мира, а с другой – переживание своего отношения к этому фрагменту. Как отмечает С.В. Лебедева, «источником «чувствительности» образа ситуации при установлении фактов сходства является внешний мир, пропущенный через субъективный опыт индивида». При восприятии юридической метафоры человек направляет свое внимание на какие-то определенные, значимые для него «здесь–и–сейчас» характеристики.

В контексте нашего исследования чрезвычайно важно замечание А.А. Леонтьева о полимодальности образа мира. Именно полимодальность обеспечивает множественность средств выражения одного и того же значения в пределах ситуации, увязываемых с качественными свойствами объектов реальной действительности при обязательном эмоционально-оценочном отношении – сравнении-переживании. Это подтверждается полученными нами экспериментальными данными: *ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ – «явление экономики, при котором происходит вывод огромных денежных средств за рубеж, что приводит к нарушению финансовой системы страны», - «хорошо развитой, отлаженный механизм», - «это означает принадлежность к высшим слоям общества, потому что у низших слоев денег нет, и проблемы такой тоже нет», - «то, что негативно сказывается на обществе и не имеет его одобрения».*

Сравнительный анализ полученного материала в рамках параметра *специалист/неспециалист* позволил сделать следующие выводы.

Специфика «жизни» юридической метафоры в индивидуальном лексиконе специалистов заключается, по нашему мнению, в её предметности, основанной на доминанте релевантного признака. При этом четко объективируется различная степень актуальности для ии. информации, связанной со специальной областью знания. Достаточно очевидна детализация профессиональных знаний, нередко специалисты дают описание специфических процессов и явлений. Однако сделанный нами анализ позволяет утверждать, что у профессионалов при толковании предъявленных словосочетаний профессиональный фактор не является превалирующим. Следовательно, наши предположения о том, что среди интерпретаций юридических метафор будет минимальное количество субъективных дефиниций, относящихся к культурологическим знаниям и соответствующих словарным трактовкам, оправдались не полностью. Вместе с тем, прогнозируемые юридические определения из словарей нами не были получены. Все субъективные дефиниции специалистов гораздо шире словарных трактовок. Нами было замечено, что при интерпретации предложенных юридических метафор профессиональные знания влияют на индивидуальную семантику юристов, не гарантируя их «правильное»

понимание. В то же время необходимо отметить наличие «метафорической сплоченности», проявляющейся у специалистов и провоцирующей определенную схожесть интерпретаций.

Наблюдение за спецификой юридической метафоры в индивидуальном лексиконе неспециалистов позволяет установить приоритетные для ии. опоры в процессе поиска ими исходного предметного образа исследуемого феномена. Как показывает экспериментальный материал, при попытке объяснить метафору ии. обращаются к своему перцептивному опыту и к «ментальному тезаурусу», в котором хранятся знания разной природы – языковые, культурные, профессиональные и др., при этом субъективная интерпретация всегда сопровождается эмоциональной оценкой. Различия в опыте, как известно, ведут к различиям в знании, а через них – к разным картинам мира. Прогнозируемое сходство в актуализации связей по линии универсальных энциклопедических знаний и культурных знаний в группе неспециалистов ии. подтвердилось, данный факт мы связываем с тем, что все ии. являются представителями одной возрастной группы и близки по социальному статусу. Например, ТАМОЖЕННАЯ ОЧИСТКА – *«я мзду не беру, мне за державу обидно! Жаль, что наши таможенники не помнят этих слов. А многое бы тогда изменилось в нашей стране»* или АД РЕФЕРЕНДУМ – *«референдум в аду или России»*; ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ – *«ломбарды; плохие люди общества, большие деньги»*.

Вместе с тем подчеркнем, что у непрофессионалов количество специфических реакций, относящихся предъявленные стимулы к юридической сфере, значительно ниже, чем у специалистов. У непрофессионалов очевидна субъективная доминанта, позволяющая делать попытки определения незнакомых терминов с опорой на свой индивидуальный когнитивный перцептивно-аффективный опыт. Все вышесказанное и определяет специфику значения юридических метафор у неспециалистов.

Таким образом, прогнозируемое сходство в актуализации связей по линии универсальных энциклопедических знаний и культурных знаний в разных группах ии. подтвердилось. Данный факт мы связываем с тем, что все ии. являются представителями одной возрастной группы и близки по социальному статусу. Очевидные расхождения в видении специалистами и неспециалистами того или иного феномена, стоящего за юридической метафорой, обнаруживаются при активации концептов, участвующих в формировании профессионального образа мира.

Проведенное нами исследование подтвердило гипотезу о том, что юридическая метафора является специфической языковой формой, особенности которой в индивидуальном лексиконе зависят от энциклопедических, культурных, личностных и профессиональных знаний носителя языка. В исследовании доказано, что функционирование юридической метафоры в индивидуальном лексиконе подобно медиатору (посреднику) между двумя системами: внешним, окружающим человека миром и внутренним, сконцентрированным в ментальном пространстве индивидуального сознания;

юридическая метафора обеспечивает выход на образ мира индивида, складывающийся в результате его личностного и профессионального опыта.

В **Заключении** подводятся общие итоги работы, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований в данной области.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК

1. *Константинова М.В.* Экспериментальное исследование специфики юридической метафоры в индивидуальном лексиконе // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. 2011. № 4. С. 70–74. 0,58 п.л. (из перечня ВАК) (лично автором – 0,58 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов

2. *Константинова М.В.* Область функционирования и область фиксации юридических терминов // Актуальные проблемы современного иноязычного образования: матер. Междунар. конф. (Курск, 26–29 апреля 2005 г.): в 3 ч. Ч. 1 / отв. ред. В.И. Провоторов. Курск: Курск. гос.ун–т, 2005. С. 93–95. 0,17 п.л. (лично автором – 0,17 п.л.).

3. *Константинова М.В.* Специфика юридической терминологии // Актуальные проблемы языковедения: межвузовский сборник научных трудов (по материалам Международной конференции «Актуальные проблемы языковедения и теории перевода». Курск, 13–14 октября 2005 г.). Курск: Изд-во РОСИ. 2005. С. 56–59. 0,23 п.л. (лично автором – 0,23 п.л.).

4. *Константинова М.В.* Особенности профессиональной и непрофессиональной коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.Ю. Сазоновой. Курск: Курск. гос. ун–т, 2005. С. 51–56. 0,35 п.л. (лично автором – 0,35 п.л.).

5. *Константинова М.В.* О содержании понятия «функциональная грамотность» // Русская речь в современном вузе: материалы Второй международной научно–практической интернет-конференции / отв. ред. д.п.н., проф. Б.Г. Бобылев. 15 октября – 15 декабря 2005 г., Орел ГТУ. Орел: ОрелГТУ, 2006. С. 20–23. 0,23 п.л. (лично автором – 0,23 п.л.).

6. *Константинова М.В.* Влияние «мира профессии» индивида на коммуникативное поведение // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая–01 июня 2006 г. / ред. Е.Ф. Тарасов. Калуга: ИП Кошелев (издательство «Эйдос»), 2006. 0,06 п.л. (лично автором – 0,06 п.л.).

7. *Константинова М.В.* Особенности юридического дискурса // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции (Барнаул, 5–6 октября 2006 г.): в 2 частях / под ред. Т.Г. Пшенкиной. Часть 2. Барнаул: БГПУ, 2006. С.110–113. 0,17 п.л. (лично автором – 0,17 п.л.).

8. *Константинова М.В.* Многоаспектность изучения языка профессиональной коммуникации // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: сборник материалов международной научной конференции 20–21 сентября 2007 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 138–140. 0,18 п.л. (лично автором – 0,18 п.л.).

9. *Константинова М.В.* Юридический дискурс как источник метафор // Язык и образование: сб. науч. трудов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. С. 53–56. 0,23 п.л. (лично автором – 0,23 п.л.).

10. *Константинова М.В.* Когнитивные аспекты юридической метафоры [Электронный ресурс] // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: материалы Международной научно–практической конференции (6–7 апреля 2011 г.). Курск: ГОУ ВПО КГМУ Минздравсоцразвития России, 2011. 0,23 п.л. (лично автором – 0,23 п.л.).

11. *Константинова М.В.* Метафора в дискурсивном пространстве современной юриспруденции: психолингвистический подход // Язык и образование: сб. науч. трудов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2011. С.53-56. 0,34 п.л. (лично автором – 0,34 п.л.).

12. *Константинова М.В.* Сравнительно–сопоставительный анализ функционирования юридической метафоры в рамках параметра «специалист» / «неспециалист» // Язык и образование: сб. науч. трудов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2011. С.53-56. 0,37 п.л. (лично автором – 0,37 п.л.).

Константинова Маргарита Владимировна

**СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Автореферат